

[00:00:00][Начало записи]

[00:00:05]

Игорь Абакумов: Уважаемые дамы и господа! Мы начинаем конференцию «Будущее сельских территорий России в контексте развития аграрного мира. Мы будем вести ее вдвоем с академиком Ушачёвым Иваном Григорьевичем, вам прекрасно известным, научным руководителем Центра сельскохозяйственной экономики и устойчивого развития сельских территорий. Иван Григорьевич выступит с приветственным словом.

Иван Ушачёв: Уважаемые коллеги, у нас очень мало времени, у каждого из нас есть много что сказать по нашей проблеме. Прежде всего, спасибо, что вы пришли. Я считаю, что вы наши самой высокой степени болельщики за российское село. Очень хорошо, что наш Московский экономический форум проходит под девизом «Образ будущего нашей родной России».

Мы с Игорем Борисовичем решили тоже посвятить нашу научно-практическую конференцию под таким же девизом – «Будущее нашей российской деревни, будущее наших сельских территорий», потому что это будущее нас очень волнует. Волнует, прежде всего, настоящее. Сейчас специалисты и ученые закончили готовить доклад об итогах реализации Государственной программы развития сельского хозяйства в 2017 году и предложения по его совершенствованию.

Вы знаете, что в Государственной программе существует Федеральная целевая программа устойчивого развития сельских территорий. В целом, если сказать об итогах, мы можем с гордостью сказать, что, действительно, что наше сельскохозяйственное производство постепенно растет. Я боюсь произнести слово «развивается», но растет, и это уже хорошо. Но все же, мы против эйфории.

Когда проводишь анализ, то приходишь к выводу, что радости не очень много, несмотря на то, что у нас урожайность довольно неплохая, продуктивность коров тоже довольно высокая. А если посмотреть на карманы наших селян, то они полупусты. И это потому, что у нас не только очень слабая государственная поддержка в стране по сравнению с другими странами, но и, прежде всего, потому, что мы очень плохо регулируем аграрный рынок в нашей стране.

Получилось так, что за прошлый год у нас цены реализации, в среднем по стране, упали на 2,3%, а цены промышленной продукции для нашего села возросли на 7,6%. Это в среднем. А ученые нашего института посчитали по трем культурам – это пшеница, подсолнечник и сахарная свекла, и оказалось, что только на этих трех культурах мы потеряли 120 млрд рублей. Это половина господдержки сельского хозяйства, которая составляет 242 млрд рублей. Отсюда состояние нашего села нас очень беспокоит.

[00:05:00]

Мы бы очень хотели, чтобы мы обратили внимание, прежде всего, на то, что бедность в нашей стране имеет сельское лицо, деревенское лицо, и это ужасно. У нас 20,1% сельского населения живет ниже прожиточного минимума, за чертой бедности, можно сказать. Это в 1,8 раза больше, нежели в городе, и в 2 раза больше, нежели принято по стране в целом. Это очень неприятные цифры.

Демография нас не радует. Просьба обратить внимание на это в своих выступлениях и делать свои предложения. Нас очень волнует социальная и инженерная инфраструктура. Нужно обратить внимание на это, что нам делать. Нам нужно посмотреть на роль и значение агрохолдингов в развитии сельских территорий. Хотелось бы услышать ваше мнение. Также хотелось бы услышать ваше мнение по проблемам кооперации, потому что это основа, ибо отлично знаете, что наше село не только выполняет экономическую и производственную функцию, но и выполняет еще целый ряд – три, четыре, пять важнейших функций.

Вот целый комплекс проблем, которые обозначены у нас в программе. Хотелось больше обратить внимание на конкретные предложения. Не на философию, а на предложения, что делать. Тогда мы сможем подготовить резолюцию нашей научно-практической конференции и направить ее в соответствующие государственные исполнительные и законодательные органы. Такова наша просьба к вам.

Игорь Абакумов: Спасибо, Иван Григорьевич. У нас сегодня два модератора. Учитывая, что докладчики очень яркие, я предложил сделать двух модераторов: один добрый, а второй строгий, который будет следить за хронометражем и четко обозначать временные рамки выступлений: десять минут на доклады и до трех минут на дискуссии. Дело в том, что у нас всего полтора часа, плюс-минус десять минут. Напоминаю вопросы для дискуссии.

«Верна ли парадигма приоритетов поддержки агрохолдингов». «Практика развития кооперативной экономики в сельском хозяйстве Скандинавии, в частности, Дании». «Факты ограничения латифундий в Европе». «Развитие сельских территорий: ради кого, ради чего, и кто против». «Перемены в национальном составе сельской местности, есть ли риски». «Будущее аграрной сферы России: как сорвать якоря и шагнуть за горизонт».

У нас очень много женщин среди выступающих. Мы пытались соблюсти гендерное равенство, но, как выяснилось, в науке у нас женщин гораздо больше.

Иван Ушачёв: Среди экономистов тоже больше женщин.

Игорь Абакумов: Я предлагаю с них и начать. Все-таки у нас весна, настроение должно быть весеннее. Наталья Ивановна Шагайда, директор Центра агропродовольственной политики Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Еще я хочу представить Марину Образцову, нашего ассистента.

[00:09:51]

Наталья Шагайда: Презентация подготовлена Василием Якимовичем Узуном и мною, с таким грустным названием. Как говорит Василий Якимович, такие названия не делают, нужно говорить, что будет, а не то, что есть.

Вокруг проблемы сельского развития очень много штампов и неопределенности. Один из штампов такой, что из села уезжают люди. Люди покидают село. Устоявшееся мнение – да, покидают село. Но если мы посмотрим статистику, то, на самом деле, с 1990 года численность сельского населения изменилась всего лишь на 1%. Тут есть некоторые демонстративные уловки, тем не менее, когда чиновники смотрят, они видят именно это. Всего лишь 1%.

Причем нечего бояться, потому что есть территории, где население растет. А есть территории, где население падает, и территории, теряющие население, не всегда благоприятны для жизни, и вроде как тоже проблемы нет. Поэтому все соглашаются, когда сокращается число сельских муниципалитетов. К сожалению, число сельских муниципалитетов сокращается на 2% каждый год. То есть население становится дальше от власти, власть дальше от населения, и проблемы видны уже не так отчетливо, они уже не такие острые, и, в общем-то, бояться вроде бы нечего.

Следующий штамп, который начинает расширяться, что Россия – недоурбанизированная страна, и что у нас есть лишние люди. Но если мы посмотрим на этот график, то Россия очень хорошо укладывается между Италией и Германией. Никто не скажет, что там есть какие-то лишние люди. Люди живут, и живут хорошо. А кто живет на наших территориях – как они живут, чем они занимаются? Посмотрим на статистику. Я сгруппировала довольно известную таблицу особым образом.

Вы видите в этой таблице, что сельская местность перестала быть местностью, где живут сельскохозяйственные рабочие. Она стала местом жительства, где живут разные люди, которые занимаются чем угодно. Казалось бы, произошла диверсификация деятельности в селе, но на самом деле, если посмотреть, как собираются данные для этой таблицы, это распределение занятых, зарегистрированных в селе. А сколько работает в селе? Этого никто не знает. Отвратительная статистика сельской занятости именно в селе. Если нет информации о том, что происходит, если мы даже не знаем, кто работает в селе, то какие программы сельского развития мы можем делать дальше?

Сколько из сельских жителей работает в селе, кто это знает? Этого никто не знает. У Василия Якимовича возникла замечательная идея, он использовал такую таблицу. Мало того, что люди не работают в своем селе, по этим данным видно, что люди не работают даже в своем субъекте. Это не касается Московской области и Ленинграда, в которых многие работают в соседнем субъекте, почти областном городе. Это касается даже Чувашии, Мордовии – они не работают в селе.

Получилось, что у нас возник класс гастарбайтеров, которые уезжают каждый день, в четыре утра они стоят на остановке, они уезжают на неделю, на месяц, на сезон. Работать там негде, и эта таблица об этом говорит. Это единственная таблица из всех форм статистики, которая при переписи населения показывает такую картинку, больше других таких данных нет.

Почему не развивается село? Потому, что у нас очаговое развитие сельского хозяйства. В этой таблице мы сгруппировали субъекты Российской Федерации по доле крупнейшей сельхозорганизации в товарной продукции. Вы видите, что три субъекта Российской Федерации – одно предприятие производит больше 50% товарной продукции. Есть одно место, где есть развитие во всем субъекте, а других мест вообще нет. Это проблема государства.

В этой таблице сделана группировка по распределению государственных субсидий. Вы видите, что больше 50%, или около 50% сельхозорганизаций не получают вообще государственной поддержки, или получают ее совершенно незначительно. И ноль организаций в структуре получают 10% субсидий и производят 4% продукции.

Это те крупные предприятия, которые, как правило, входят в агрохолдинги. Это предприятия, которые, конечно, не могут найти работников в этом населенном пункте, потому что они большие. Это предприятия, которые получают преимущества, а все остальные не развиваются. На этом останавливаться не будем, но есть такая проблема.

А в самом селе, в бюджетах, есть деньги? Все говорят, что от 30% до 97% они дотационные, все с этим сжились. А почему так? Посмотрите, как поступают налоговые поступления. Те, кто работают в селе и платят налоги, в бюджет идет 2%. Кто живет в селе и каждый день уезжает на работу, зарабатывает деньги в районном центре, его НДФЛ вообще не появляется в сельской местности.

[00:15:28]

Налог на прибыль какого-нибудь сетевого магазина не поступает в сельскую местность. И так – все. Единый сельскохозяйственный налог – поступает только 30%, земельный налог на сельхозорганизации, который находится на межрайонной территории – бюджет вообще ничего не получает. Спрашивается, если нет денег от бизнеса, который развивается очагами, нет денег в селе для сельского развития, собственно, почему ждать этого развития? Развития не будет. Название было именно о том, что развития не будет.

На самом деле в сельских муниципалитетах – бедность при обилии ресурсов. Посмотрите, есть люди, которые еще там живут, которые платят налоги в другие бюджеты, бюджета не получая. Земля не разграничена. Вся государственная земля вблизи этого сельского поселения или внутри поселения должна быть муниципальной собственностью. Но 90% этой земли не разграничено.

До недавнего времени муниципалитеты могли распоряжаться землей, но доходы от нее не шли в их бюджеты. А сейчас они не могут и распоряжаться. Недра с общераспространенными ископаемыми тоже находятся в этих не разграниченных землях, муниципалитет не имеет к ним никакого отношения. Леса были колхозные, а теперь они уже федеральные.

Получается, что для того, чтобы изменить состояние территории, нужно принципиально изменить отношение к этой территории. Каждый муниципалитет имеет право на развитие. Если вы лишаете граждан муниципалитета права, спросите их, если вы сохранили бюджет, руководители этих муниципалитетов, постройте дорогу и сделайте что-то. Но этот бюджет просто убирают.

У нас в муниципалитетах нет стратегии развития. Вы спрашивали, какие рекомендации: обязать сельские муниципалитеты разрабатывать стратегии развития территорий. Они должны понимать, что их ждет, в какую сторону они будут идти. Они должны быть муниципальным звеном реализации стратегий и программ устойчивого развития сельских территорий. До этого они вообще исключены из этих программ.

Они должны быть распорядителями бюджетных средств госпрограмм поддержки субъектов малого предпринимательства, но они исключены от этого. Они должны иметь право управлять сельской экономикой в части получения налогов от того, что делается у них на территории, и устанавливать свои правила игры. Пока этого нет.

И ресурсы: передать колхозные леса, разграничить и передать землю и недра, изменить систему налогообложения. Тут написана диковинная вещь, все подумают, что я со старого слайда это забыла: привлекать деньги через сберкассы. Сберкассы – это особый вид кредитных организаций, которые существовали на деньги местного населения, и должны были обслуживать малый бизнес, как это есть в Германии. У нас сберкассы и кассы взаимопомощи исчезли, поэтому для субъектов малого предпринимательства нет партнеров.

Изменить систему налогообложения. Мы предлагаем так изменить систему налогообложения, мы ее пересчитали, получилось, что в рамках тех дотаций, которые поступают в муниципальное образование, при изменении системы это муниципальное образование само бы могло зарабатывать. Оно бы превратилось из просителя в того, кто хочет управлять этими деньгами. Соответственно, сократилась бы дотационность, и появились бы новые главы.

Сейчас говорят: «Там некому работать». А кто будет работать, если человеку дали денег, как Василий Якимович говорит, лампочку закрутить? Соответственно, будет человек, который будет закручивать лампочку. Если в бюджете будут деньги, то будут и люди, которые будут шевелиться. Пока этого всего нет. На этом я закончу, спасибо.

Игорь Абакумов: Наталья Ивановна, великолепно!

Мужчина: Такой пессимистический доклад! А где же завтрашнее будущее села? Но реалистическое.

Игорь Абакумов: А вот это мы обсудим как раз в ходе дискуссии.

Наталья Шагайда: Я коротко объясню. Это были предложения. Если не будет пересмотрена система налогообложения, то муниципальные бюджеты будут все время просителями. Людям надо не дорогу. Людмила Васильевна все время проводит опросы, и там люди на первых местах говорят: «Нам нужно место, где мы можем работать». Мы говорим о том, что для тех, кто работает, вы пересмотрите систему налогов. Не будет денег в бюджетах – ничего не будет. Поэтому мы можем рисовать красивые планы, но если кардинально не поменять систему налогов, так и будет. Спасибо!

[00:20:13]

Игорь Абакумов: Наталья Ивановна, спасибо большое! Идеальное выступление. Давайте с научных вершин поднимемся на реальную почву. Ольга Владимировна Башмачникова, вице-президент Ассоциации крестьянских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России.

Ольга Башмачникова: Уважаемые коллеги, уважаемый президиум! Спасибо за возможность выступить на данном форуме. Я хотела бы начать с другого, хотя в чем-то у нас с Натальей Ивановной будут схожие позиции. Дело в том, что на селе процессы, безусловно, идут, это миграция населения села в города. Но идут и другие процессы, они точечные, может быть, процессами их не назовешь. Это некоторые точки роста, когда молодежь и молодые семьи в село приезжают.

От того, как государство сможет стимулировать одни процессы и останавливать другие, будет зависеть то, как наша территория будет развиваться в ближайшем будущем. Мы глубоко убеждены, что развитие предпринимательства, нахождение точек роста на селе, которые есть сегодня, и стимулирование переезда молодежи в село на самом деле может реально и серьезно изменить ситуацию.

Если мы обратимся к Всероссийской сельскохозяйственной переписи, цифры показывают, что в сельскохозяйственных организациях количество работающих снизилось в 2,4 раза. Это при том, что самих организаций снизилось всего на 40%. Если мы проанализируем такую же ситуацию, связанную с фермерскими хозяйствами, то количество работающих в фермерских хозяйствах снизилось на 40%, то есть на такую же цифру, на которую снизилось количество самих хозяйств.

Эти цифры уже показывают, что фермеры – это не только люди, которые создают рабочие места. Они поддерживают местное население, которое на сельской территории сегодня

сложилось. Это могут быть личные подсобные хозяйства, которые не заинтересованы в расширении своего производства, но благодаря взаимодействию с фермерами имеют дополнительную работу – постоянную или временную. Либо фермерское хозяйство включает их в систему распределения поддержки, потому что живет на этой территории, и заинтересовано в том, чтобы люди, которые живут рядом с ним, к нему хорошо относились. Это некоторый социальный аспект.

Сейчас я хотела бы показать структуру, из каких субъектов хозяйствования состоит наша сельская территория, которая имеет определенный потенциал. Начну с товарных личных подсобных хозяйств, которых, согласно переписи, 2 млн 69 хозяйств. Структура этих хозяйств неоднородна. Безусловно, цифры, которые я приведу, и градация, условны, но по сути, абсолютно правильные.

Это львиная доля, или 73% личных подсобных хозяйств, которые не заинтересованы в росте, могут продолжать жить и работать на селе, и стимулировать их оставаться в селе может именно развитие кооперации. Если они по определенным видам продукции будут кооперированы, и это позволит им получать дополнительные стабильные доходы, они могут продолжать свою жизнедеятельность в сельской местности. Это вторая группа личных подсобных хозяйств, так называемые точки роста.

Я привязала их к земле, к размеру земельного участка, хотя на самом деле это может быть и не так. Подворье, которое имеет 1,5 га, может быть точкой роста, если представлено активной семьей и активными жителями, тем более молодыми. Доля этих личных подворий составляет порядка 14%, это те, кто имеет земли от 3 га до 10 га.

Активизировать этот слой сельского населения позволяет программа социального лифта, которая сегодня применяется в регионах за счет средств региональных бюджетов. Это программы «3 плюс», «5 плюс», «8 плюс», они используются в Татарстане, в Ульяновске, в Тюмени. Это когда подворное хозяйство содержит какое-то поголовье, например, три коровы, им выдают региональные субсидии, чтобы они увеличили это поголовье коров до пяти, до восьми, и так далее.

При этом данный вид поддержки не связан с условием обязательного ведения предпринимательской деятельности, и при регистрации личного подсобного хозяйства в крестьянско-фермерское хозяйство. Это подросшее личное подворье может остаться таковым или перерасти потом в предпринимателя или в фермера, с помощью средств государственной поддержки, таких, как грантовая поддержка начинающих фермеров.

Эта грантовая поддержка позволяет в последующем развить хозяйство и поучаствовать уже через год в программе развития семейных животноводческих ферм. Такие программы социального лифта позволяют активизировать точки роста сельского населения, представленного личными товарными подворьями.

[00:25:19]

Следующая группа личных подсобных хозяйств – это маленькие фермы, которые были таковыми, ведя предпринимательскую деятельность, но, не увидев определенной преференции для себя, чтобы оставаться предпринимателями, перешли в личные подсобные хозяйства. Это подворные хозяйства с землей более 10 га. У нас 1% всех ЛПХ – это ЛПХ, которые имеют более 20 га земли. Для того чтобы стимулировать и активизировать этот слой сельского населения, от государства потребуется уже более серьезная мотивация. И не только грантовые программы поддержки, а создание базовых условий для ведения доходной деятельности.

Это, безусловно, получение поддержки на повышение доходности, или не связанной поддержки на гектар. ЛПХ ее не получают, а будучи предпринимателем, вы можете ее получить. Сегодня, к сожалению, этот вид поддержки для большинства малых хозяйств недоступен, поэтому ЛПХ нет смысла перерегистрироваться или оставаться предпринимателями, поэтому у нас идет отток в обратную сторону. Тем не менее, таких личных подворий порядка 270 000, это 13% от личных подсобных хозяйств.

Таким образом, мы имеем слой сельского населения, которые, не будучи предпринимателями, при определенной системе государственного регулирования и создании базовых условий могут стать реальными точками роста, либо перейдя в предприниматели, либо участвуя в процессах кооперации на селе.

Теперь я хотела бы показать, как у нас представлены фермерские хозяйства, и воспользоваться градацией, которую провели ученые ВИАПИ – Института аграрных проблем имени Никонова. Здесь мы также можем выделить несколько категорий. Если взять за основу, что количество КФХ, согласно переписи – это 174 000, а работающих всего 115 000, будем исходить из этого, то три градации КФХ будут выглядеть следующим образом. Это малоземельные фермеры, которые имеют тенденцию перехода в личные подворья, и которые не защищены сегодня государством. Таких хозяйств порядка 50 000.

Вторая градация – это классические семейные крестьянские хозяйства, имеющие порядка 240 га и одного-двух работающих. Таких хозяйств порядка 47 000. Следующая категория – это крупные фермерские хозяйства, имеющие более 800 га и порядка четырех-восьми работающих, и крупные так называемые семейные корпорации, которые имеют порядка 4 000 га земли и более. Таких хозяйств представлено порядка 5 000.

Если мы посмотрим, как эта ситуация меняется с прошлой переписи, мы увидим, что роста среднего класса среди фермерских хозяйств реально не наблюдается. Малые, незащищенные фермеры переходят, перетекают в ЛПХ. Те фермеры, которые являются крупными, частично переходят в крупные корпорации, но в основном, идет отток в более мелкие объемы производства. К сожалению, мы сегодня ничего с этим не делаем. Мы имеем класс, который можно стимулировать. Это малые фермерские хозяйства,

классические фермерские хозяйства, это личные подворья, которые были фермерскими хозяйствами, и личные подворья, которые ими, при определенном раскладе, могут стать.

Но что мы сегодня имеем, если посмотрим, как распределяются фермерские хозяйства, и, например, возможности получения льготных кредитных ресурсов или государственной поддержки. Согласно переписи, государственную поддержку любого типа получает 35% фермерских хозяйств. Если мы посмотрим, как эти 35% распределяются по структуре, мы увидим, что это, в основном, крупные корпорации, крупные фермерские хозяйства. И только половина, даже чуть меньше, классических фермерских хозяйств, имеющих по 250 га. Остальные субъекты предпринимательства государственную поддержку получить не могут.

Если мы посмотрим данные переписи получения кредитных ресурсов – любых, я не говорю о льготных – это 10%. Эти 10%, в основном, из категории либо совсем крупных корпораций, либо укрупненных фермерских хозяйств. Все остальные сегменты по структуре их не получают. Если мы посмотрим на несвязанную поддержку на гектар, а в 2017 году только 11,7 фермерских хозяйств получили эту поддержку, это сегмент верхний, крупных предпринимателей, которые сегодня выросли, и некоторые из них могут сегодня обойтись без этого вида государственной поддержки.

[00:30:13]

Если бы мы смогли на уровне государства предпринять меры государственного регулирования, которые помогли бы получить доступ к ресурсам малым фермерским хозяйствам классическим, возможность получить им заемные ресурсы, субсидирование инвестиций, упростить им налогообложение и ввести патентную систему налогообложения, если мы позволим им получить несвязанную поддержку и встроиться в рынок через развитие кооперации и интеграции, мы могли бы, наверное, эту ситуацию поменять.

Но для этого должна поменяться государственная политика. С этой целью нужно принять базовое решение, нужна ли нам эта категория субъектов, а это не меньше, чем 600 000 предпринимателей и потенциальных предпринимателей, которые могут стать активными точками роста на селе и создавать рабочие места.

Кроме того, государство могло бы стимулировать модели взаимодействия, либо личных подсобных хозяйств с опорными фермерами, либо модели формальной или неформальной кооперации, либо модели интеграции крупного фермера и мелких фермеров, либо модели интеграции фермеров и агрохолдингов. Какие базовые решения должно принять государство, для того чтобы сдвинуть эту ситуацию с мертвой точки?

Конечно же, выделить из единой субсидии поддержку на малые формы хозяйствования в единое направление. Очень жалко, что этот вопрос не был задан в присутствии президента

на форуме в Краснодаре. И последнее, мы предлагаем, чтобы не связанная поддержка на гектар выделалась только именно малым категориям, которые имеют меньше всего доступа к кредитным ресурсам. Спасибо за внимание!

Игорь Абакумов Спасибо вам большое!

Мужчина: Вы говорите, основные резервы на селе – 2 млн хозяйств разной формации. А что делают у нас 17,1 млн семей? Как с остальными 15 млн? Как раз для них нужны новые формы государственной поддержки, чтобы семья на селе сохранилась. А вы ушли от этого глобального вопроса.

Игорь Абакумов: Спасибо большое. Я предлагаю от наших внутренних проблем немножечко вздохнуть, задать самим себе вопросы, сформулировать их, и послушать сейчас Марину Михайловну Митянину, атташе Посольства Королевства Дания в Российской Федерации по вопросам продовольствия, сельского хозяйства и рыбоводства. Как там фермеры Дании живут, сейчас узнаем.

Марина Митянина: Добрый день! Большое спасибо, уважаемые модераторы, что предоставили возможность выступить, пригласили на эту площадку. Но в то же время, это огромный вызов для меня, потому что тема кооперации в Дании настолько обширна, что для того, чтобы уложиться в 10 минут, мне придется пробежаться по моей презентации бегом.

Наверное, не секрет для многих, каких результатов достигает Дания по производству сельскохозяйственной продукции, продуктов питания, и насколько это сейчас лидирующая отрасль в Дании. Наверное, вы знаете, что Дания – это островное государство, которое расположено на 409 островах. Это страна небольшая, по территории она может сравниться, насколько я помню, с Московской областью.

Но при этом Дания, население которой на сегодняшний момент 5,7 млн человек, производит продукции в три раза больше, чем она может потребить. То есть 15 млн различного вида сельхозпродукции производится в Дании. Дания является одним из крупнейших экспортеров продукции сельского хозяйства и продовольствия в другие страны, на другие рынки.

Объем экспорта агропромышленной продукции в Дании составляет около 24% общего объема экспорта этой страны. Но фермеры сталкиваются со многими вызовами, связанными не только с производством, но и с внешними проблемами. Если здесь среди вас есть фермеры, они со мной согласятся, это общие проблемы для всего мира. Такие, как внешние рынки, постоянно меняющиеся технологии, это политические вызовы, которые стоят перед фермерами, повышенные требования к качеству продукции, к безопасности продукции.

[00:35:14]

Что бы решать эти вопросы, фермеры уже с конца XVIII века и весь XIX век начали объединяться в определенные структуры, для того чтобы быть более эффективными. Я начну со слайда, который рассказывает о том, что такое кооперативное движение Дании сегодня. Больше всего кооперативы представлены в молочном и в мясном секторе. Они практически 100% своей продукции производят через кооперативы. По говядине это не такой большой и активный сектор в Дании, поэтому 2/3 выпуска продукции приходится на кооперативы.

Кооперативы занимают сильные позиции также в пушнине, это тоже один из основных направлений экономической деятельности Дании, и производство кормов и семян. На этом слайде я хочу подчеркнуть, чтобы как бы спровоцировать эту тему для обсуждения. За многовековую историю кооперативного движения в Дании не наблюдалось ни одного банкротства кооператива, ни одного за всю историю. Это очень серьезный показатель, говорящий о том, насколько эта модель эффективно работающая.

Основной принцип кооперативного движения в Дании – это один фермер, один голос. Это высокодемократичная схема, говорящая о том, что, независимо от того, насколько крупное хозяйство, или это мелкое хозяйство, сколько продукции это хозяйство выпускает, решения принимают фермеры по количеству голосов, которые получил фермер этого хозяйства. Эта демократичная модель позволяет делать весь процесс производства, от полей до конечной реализации на прилавке, очень прибыльным для фермера, производящего молоко, свинину, выращивающих свиней, зерно, и так далее.

На конечном этапе они получают прибыль с проданной колбасы, с проданной бутылки молока. Все эти деньги приходят и распределяются между членами кооператива. Это высокоэффективно работающая система. Несколько цифр, которые я уже начала озвучивать, и сейчас просто повторю. 100% молочной и мясной продукции продается через кооперативы.

Высокоэкспортируемая страна – значит, эта модель работает, значит, эта модель имеет право на жизнь. Единственное, что она не может быть скопирована и перенесена в другую страну в том виде, в котором существует. Модель требует различных подходов, различного осмысления.

У меня были слайды с историческими картинками, которые показывают, как кооперативы создавались, почему кооперативы создавались. Например, уже в конце XVIII века, в 1788 году, начался процесс отмены крепостного права в Дании. У нас в России крепостное право еще процветало, а там крестьяне начали получать специальные ссуды по фиксированным ценам, от специальных банков, для того чтобы выкупать свои клочки земли, и на них начинать работать.

Начиная с конца XVIII века и весь XIX век, шел процесс приобретения земель крестьянами. Этот процесс закончился тем, что ни одного клочка земли нет в какой-либо другой

собственности, все находится в собственности крестьян. Это тоже один из основных параметров, которые позволяют кооперативам успешно работать.

Создавать свои кооперативы крестьяне стали, не основываясь на фермерских хозяйствах, потому что фермерские хозяйства – это частная собственность, уже исторически, генетически заложенная. То есть земля принадлежит этому фермеру, все хозяйство принадлежит этому фермеру, техника, скот, потому что он производит – это все решает фермер. Но на этапе сдачи своей продукции, переработке продукции, получения конечного продукта, его реализации и получения обратной прибыли фермером – это уже кооперативная система. Это тоже очень важный факт.

[00:40:05]

В Дании сейчас по молочному направлению два крупных кооператива, о которых вы, наверное, слышали. Это Arla – международный кооператив, он сейчас очень широкий, интегрированный кооператив во многие страны. Danish Crown – один из образцов мясного кооператива. Кооперативов сейчас в Дании, если брать все направления сельского хозяйства, девять.

Игорь Абакумов: Можно вопрос? Напомните, пожалуйста, присутствующим, Danish Crown – это транснациональный кооператив?

Марина Митянина: Danish Crown – это крупный транснациональный кооператив. Это убой животных и глубокая переработка мяса, свинины и говядины.

Игорь Абакумов: Сколько там фермеров, в этом кооперативе? Я слышал, порядка 300 000?

Марина Митянина: Да. Вообще, фермеров в Дании, фермерских хозяйств, приблизительно 36 000 хозяйств, занимающихся различными видами фермерства в различных кооперативах. Где-то 300 000 – это только...

Игорь Абакумов: Только Danish Crown? Это Скандинавия вся, плюс...

Марина Митянина: Плюс Германия, Польша и Франция. Danish Crown – довольно широкая сеть. Кстати, Arla сейчас – кооператив, который работает сейчас во многих странах. Они открыли в Воронежской области свое производство сыра. Это очень серьезный шаг. Это очень серьезный шаг.

Кооперативы имеют свои плюсы и свои минусы, исходя из менталитета, из исторических предпосылок, из всего. Например, тот факт, что вся переработка принадлежит фермерам, то есть фермеры владеют переработкой. Это плюс? Это огромный плюс, потому что фермеры участвуют в обсуждении цены конечного продукта. Фермеры получают прибыль от уже реализованной продукции, которая делится между ними, по полученным результатам.

Но при этом фермер несет всю ответственность за тот процесс, который происходит на этой переработке. Все долги, связанные с производством, все производственные риски, фермер все это разделяет со всеми своими членами кооператива. Те, кто руководят производством, не являются членами кооператива, это нанятые сотрудники, которых нанимают фермеры. Это тоже очень интересные и серьезные...

Иван Ушачёв: Спасибо большое! Один вопрос: по вашему мнению, почему у нас слабо развивается кооперация?

Марина Митянина: Этот вопрос очень большой. Это не маленький вопрос, это серьезная тема для целой конференции.

Иван Ушачёв: Но основные факторы?

Марина Митянина: Я хотела пройти по историческим моментам, чтобы показать, что те кооперативы, которые зарождались в Дании, не насаждались сверху. Это фермеры пришли к этому решению. Это маленький фермер, у которого одна корова или одна свинья, понял, что он более выгодно продаст эту продукцию, если он вложится вместе со своим соседом в свою собственную бойню, купит хороший материал, хорошее оборудование, уже более высококачественное мясо продаст на рынке, и получит хорошую прибыль.

Иван Ушачёв: А как у нас?

Марина Митянина: У нас сейчас, насколько я могу анализировать, идет уклон в агрохолдинги. То есть это вертикальная система, и она принадлежит не фермерам, она принадлежит переработчикам, отсюда идут шаги к агрохолдингам. Крупный «Микояновский», крупный «Мираторг», крупный «Черкизово» – у них переработка, потом они начинают закупать у колхозников, у фермеров, у местных производителей мясо и молоко, диктовать им условия по ценам, и говорить: «Хорошо, вот твое молоко достаточного качества, сегодня я его возьму, но я тебе плачу такую-то цену».

Иван Ушачёв: Но когда у нас не было холдингов, тоже шел процесс кооперации очень слабо.

Марина Митянина: Когда у нас не было холдингов, это был Советский Союз. Когда у нас не было холдингов? Я здесь спорить с вами не буду.

Игорь Абакумов: У нас холдинги были всегда, Иван Григорьевич, со времен 1929 года.

Иван Ушачёв: У нас холдинги набрали силу в последние годы. То есть холдинги виноваты?

Марина Митянина: Они по-другому назывались, наверное. Но смотрите, какой еще интересный факт, я недавно разговаривала с министром сельского хозяйства одного из регионов России. Я не буду называть регион, потому что они сейчас в этом процессе. Он мне сказал: «Мы сейчас пытаемся использовать федеральные средства, которые получаем – субсидии, какие-то бюджетные средства, для того, чтобы помочь нашим мелким

производителям создать кооперативы». Я его спрашиваю: «Как вы себе это понимаете, как вы сейчас используете эти средства?» Он мне приводит пример: «Вот у нас есть несколько хозяйств, которые производят небольшое количество молока. Мы хотим им дать деньги, чтобы они купили себе охладительные танки. Это мы называем кооперативом».

[00:45:06]

Я говорю: «Позвольте, а дальше что? Они купили этот охладительный танк, это оборудование, они куда-то сдают молоко. Они потом, опять же, везут это молоко по требованию какого-то переработчика, опять же, зависят от его цены. И так далее. То есть цепочка здесь обрывается, оборудование потом ломается. На этом – что, кооператив заканчивается? Это, конечно, тема многосторонняя, и Россия может использовать разные варианты и модели. Но все время должно быть то, что это идет не сверху, а снизу. Государство может помочь деньгами, но само движение создать сверху невозможно».

Игорь Абакумов: Марина Михайловна, вы подали очень хорошую идею об отдельной конференции по кооперации. О том, как настроить мозги на кооперацию. Спасибо вам большое!

Марина Митянина: Да, это отдельная тема.

Женщина: Мы вам очень благодарны за ваше выступление. Я хочу привести пример Волгоградской области. Когда давали субсидии, требовали от фермеров, чтобы они представляли сельхозкооператив. 5 000 взнос – и ты мог претендовать на субсидию.

Марина Митянина: Это один из вариантов печальных, да.

Игорь Абакумов: С другой стороны, в Соединенных Штатах в 1970-е годы, когда крупные аграрные корпорации начали давить на продовольственный рынок, и на политиков тоже, там было чуть не вмененное образование кооперативов. Американские фермеры ведь индивидуалисты, но из них сделали кооперативы. Такие кооперативы, как Land O'Lakes, номер один на рынке сейчас, допустим, сливочного масла.

Спасибо! Я хочу, чтобы международную тему – она ведь все равно наша немножечко – продолжил Александр Михайлович Никулин, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте России. Александр Михайлович, насколько я помню, вы очень хорошо знакомы с лендлордами Великобритании. Как они себя чувствуют?

Александр Никулин: Более-менее. Я, как и все присутствующие здесь, смущен. Тема очень важная, порой даже глобальная, а времени дается 10 минут. Постараюсь уложиться в это время. Хотел бы сказать, что наш центр издает журнал «Крестьяноведение». В этом году юбилей Александра Васильевича Чайнова, ему 130 лет. Нам удалось найти и опубликовать

ряд просто сенсационных материалов, которые ранее никогда не публиковались. Уважаемому президиуму я этот номер оставляю.

Пользуясь методологией Александра Васильевича Чаянова я хотел бы приступить к этой теме лендлордов и латифундий, о которых меня попросили сделать краткую историческую справку. У нас, особенно в медийном дискурсе, принято бодаться по поводу того, какая форма хозяйства более эффективна, крупное или мелкое производство. Под крупным аграрным производством понимают латифундии, поместья, агрохолдинги, а под мелким аграрным производством – прежде всего, семейные хозяйства, крестьянские и фермерские хозяйства.

Сам Александр Васильевич Чаянов считал, что неправомерно именно таким образом формулировать проблематику, потому что в сельском хозяйстве, с его удивительным экономическим, и прежде всего, природным разнообразием могут понадобиться и оказаться эффективными как крупные, так и мелкие формы. Мы знаем Александра Васильевича, прежде всего, как создателя теории крестьянской экономики, но он внес и большой вклад в понимание, как можно организовать рационально и прибыльно организованный колхоз или совхоз.

Теперь о так называемых справках. Например, здесь стоит тема латифундий. Латифундия – это слово латинское, в римской империи оно означало крупное хозяйство, на котором трудятся рабы. Латифундии противостояли просто крестьянским семейным хозяйствам. В истории Древнего Рима была очень драматическая борьба между крупным и мелким аграрным производством, крупное аграрное производство победило.

В результате римский историк Плиний Старший зафиксировал: «Латифундии погубили Италию, и, кажется, уже и провинции», имея в виду, что это приводило к опустошению сельской местности, к ее культурной деградации, к исходу населения в города.

Если мы с вами перенесемся лет через 1 000 – 1 500, уже в позднесредневековую Европу, мы обнаруживаем новый всплеск роста так называемых латифундий. Это, например, огораживание, прежде всего, в Англии, это формирование крупных поместий лендлордов, и одновременно экспансию крупных помещичьих хозяйств в Восточной Европе и в России.

[00:50:10]

В это же время ведутся дискуссии, что более рационально, что более производительно. Конечно же, считается, что крупное помещичье хозяйство более эффективно по сравнению с крестьянами – безграмотными, мелкими, не знающими основ рационального производства. И только, пожалуй, в конце XIX – в начале XX века, когда происходит рост самоорганизации крестьянства, когда аграрная наука, наконец, помогает рационализировать и крестьянские хозяйства, приходит осознание того, что так называемое мелкое аграрное производство тоже по-своему эффективно, и во многих

случаях бьет помещичьи хозяйства и крупные капиталистические хозяйства. Так происходило и в пореформенной России, где даже до 1917 года количество крестьянских хозяйств и земель прирастало, а помещичьи хозяйства сокращались и разорялись.

Тут надо также сказать и о некоторой проблеме, столь модной в наше время – проблеме продовольственной безопасности. Например, исходя из конъюнктуры рынка, те же лендлорды пришли в Англии к выводу в конце XIX – начале XX века, что вообще невыгодно заниматься сельским хозяйством, потому что гораздо дешевле в громадной британской империи, организованной на рыночном основании, покупать канадские яблоки, пшеницу из Африки, и земли лендлордов использовать под традиционную английскую забаву тори, охоту на лис.

В результате политических катаклизмов Первой мировой войны, когда, например, Германия стремилась блокировать своими подводными лодками привоз продуктов со всего мира, Англия обнаружил себя абсолютно незащищенной в продовольственной перспективе. В результате, учитывая этот момент в ходе Первой мировой войны и впоследствии, Англия была вынуждена систематически развивать собственное сельское хозяйство, чтобы подобного рода кризисы не возникали.

Первая половина XX века – это, конечно же, история радикальных аграрных реформ в Европе, и мы можем констатировать, что после Второй мировой войны практически везде помещичьи хозяйства сходят на нет, везде земля перераспределяется в интересах европейского крестьянства. Этот процесс зафиксирован также и в громадной культуре европейских кооперативов. Самые знаменитые – это, пожалуй, датские кооперативы.

Но это взаимодействие, а порой противостояние, между крупным и мелким мы обнаруживаем уже в социалистической истории советской Европы, Евразии, и в странах Восточной Европы. Когда происходит процесс новой коллективизации, когда полагают, что крупные хозяйства, безусловно, имеют свои преимущества, благодаря науке, индустриализации, химизации и прочим «прелестям» современного индустриального производства XX века.

На чертежах и на бумаге социалистических реформаторов все это выглядело довольно гладко. Но я смотрю, большинство здесь присутствующих все-таки помнят, как работали наши колхозы и совхозы, с какими издержками, какие были проблемы с мотивацией труда, знаменитым колхозным воровством, неэффективностью планово-бюрократического аппарата.

Пожалуй, единственным светлым, безусловно положительным примером в этой совхозно-колхозной истории стран социалистического лагеря, является Венгрия. Именно венгерское сельское хозяйство во времена реформ Яноша Кадара в 1970-1980 годы показывало чудеса, с одной стороны, роста производительности труда, а с другой стороны,

продуктивного взаимодействия между крупными и мелкими формами аграрного производства, между семейными хозяйствами и крупными аграрными предприятиями.

В постсоветский период практически везде проведена реформа в социалистических странах. Опять была сделана попытка вернуться к идеалам мелкого аграрного производства, которая не везде удалась. Тем не менее, была основательно разрушена система крупного аграрного производства планового бюрократического типа, социалистического типа.

Наконец, сейчас, в наше время, мы видим новую ревитализацию во всем мире, за исключением, может быть, Европы, отдельной ее маленькой части, попыток создания крупного аграрного производства или сверхкрупного аграрного производства. Я связываю это с волнами и с циклами научно-технического прогресса. Обратите внимание, как только появляется первые, скажем так, курсы, еще в поздней камералистике, рационального сельского хозяйства, так вперед вырываются юнкерские помещичьи хозяйства Германии. В период индустриализации в начале XX века американцы пробуют создавать, можно сказать, свои первые агрохолдинги.

[00:55:11]

Сейчас тоже существует большой соблазн концентрации огромных ресурсов – финансовых, технологических – используя новейшие достижения цифровой экономики. Мы видим, что подобного рода процессы, прежде всего, характерны для стран третьего мира, где агрохолдинги на подъеме. За исключением, конечно же, постсоветского пространства, это, прежде всего, знаменитая тройца: Россия, Украина и Казахстан.

Мы видим экспансию агрохолдингов в Южной Америке, в особенности в Бразилии, и в Африке, например. Агрохолдинги становятся интернациональными, там порой сейчас невозможно понять, кто истинный хозяин этой гигантской агрокорпорации – китайские ли коммунисты, американские ли капиталисты, кто-то, кто находится в оффшорах в Кипре, и так далее.

Подводя некоторый итог, мне представляется, что невозможно говорить об однозначных преимуществах крупного и мелкого аграрного производства. Главное – это синтез, это симбиоз, это взаимодействие мелкого и крупного. В Европе это удачно решено благодаря той системе брони кооперации, в которую укутаны европейские фермеры. У нас подобного рода кооперативной системы нет.

У нас малый сельхозпроизводитель беззащитен без кооперации, даже, если хотите, без местного локального общинного гражданского общества. Поэтому он столь часто является деморализованным, маломощным, неспособны противостоять и отдельный фермер, и целые сельские сообщества натиску этой новой идеологии сверхкрупного аграрного производства XXI века.

Тем не менее, когда говорится, какие же перспективы. Перспективы однозначные: нам необходимо искать компромисс, нам необходимо искать диалог между крупным аграрным производством через систему, прежде всего, кооперации, также местного эффективного самоуправления, и в целом, в развитии сельской культуры. Абстрактно говоря, это направление, а там уже можно конкретизировать, и много еще говорить. Благодарю за внимание!

Мужчина: Фактически то, что сейчас происходит, крупные агрохолдинги, такие как Monsanto, за счет развития генной инженерии...

Игорь Абакумов Monsanto – это не агрохолдинг.

Мужчина: Они же их уничтожат. По идее, процесс уничтожения мелких производств уже идет. Каким образом с этим можно бороться именно в России?

Александр Никулин: Нет, во-первых, всегда есть такой соблазн, когда говорят, что приходят новые технологии, новый индустриальный переворот, что прежде всего, от этого прибыль могут получить крупные игроки. Но это не совсем так, и не совсем правильно.

Что касается Monsanto, правильно тут сказано, что это не агрохолдинг, это громадная корпорация, которая занимается всякого рода изысками в области биотехнологий, генной инженерии, ГМО, и так далее. Монополизм губителен везде, и губителен в этом случае. Прежде всего, есть законодательные ограничения, и мы знаем, какая здесь ведется борьба в разных регионах земного шара, с экспансией Monsanto.

Другое дело, что мы говорили с вами о неформальной экономике. Здесь, например, я вам должен сказать, что нигде так сильно не боролись с Monsanto, как в Бразилии. Все говорили: «Мы все против ГМО», но, так как страна достаточно коррумпирована, вдруг лет через 20 обнаружили, что не мытьем, так катаньем Monsanto подсадила бразильское сельское хозяйство на свою продукцию. Хотя это было во многих случаях сделано, что называется, тихой сапой.

Игорь Абакумов: Александр Михайлович, как показывает ваш опыт, ваша практика, в частности, европейская, каким образом регулируется величина латифундий в Европе?

Александр Никулин: Латифундий как таковых не осталось. То, что может быть более-менее крупный земельный собственник, трудно вообразить, кто это – по реституции кто-то получивший из юнкеров себе некоторую земельную площадь – они все малыши, конечно, по сравнению с нашими агрохолдингами. Даже лендлорды потихоньку распродавали свои земли.

Игорь Абакумов: Под давлением чего они продавали свои земли? Ведь был введен земельный налог, запретительный фактически.

Александр Никулин: Конечно же, это целенаправленная аграрная политика, которая ориентировалась на реальных производителей. А реальные производители в условиях Европы – это, конечно же, фермерские хозяйства. Это и налоговая политика, и законодательство, и просто те аграрные реформы, которые привели к тому, что они исчезают.

[01:00:11]

Но обратите внимание, стоит только оказаться где-то в депрессивной сельской местности, в тяжелом экономическом положении, с одной стороны, а с другой стороны, эта сельская местность становится чрезвычайно притягательной с точки зрения современной экономической конъюнктуры, как там, даже в Европе, могут образовываться некоторые подобию агрохолдингов.

Например, это сейчас южная часть Румынии – это плодородная равнинная страна. Это не горная, где Дракула сидит – Трансильвания, а именно достаточно плодородная часть Румынии, где действительно в Румынии крестьянство после реформ находилось и находится в тяжелой экономической ситуации. Сейчас там тоже у крестьян в массовом порядке скупают землю, она идет под контроль немецкий и крупных румынских предпринимателей.

Они выбирают направления монокультуры, прежде всего, зерновое хозяйство, которое уже успешно конкурирует и с нашим зерном, на египетских и прочих средиземноморских рынках. Поэтому, люди, будьте бдительны!

Игорь Абакумов: Спасибо, Александр Михайлович! К нам приехал академик РАН, Александр Васильевич Петриков, директор Института аграрных проблем – от него все проблемы – и информатики.

Александр Петриков: Спасибо, Игорь Борисович! Добрый день, уважаемые коллеги! Я приношу извинения, я действительно приехал из Санкт-Петербурга в Москву, с Петербургского экономического форума на Московский экономический форум, и очень признателен за предоставленное слово.

Я очень рад теме нашего обсуждения, будущего российского села, потому что в последнее время стало уже дурной традицией отдельно обсуждать проблемы сельского хозяйства и рапортовать об успехах, которые убаюкивают наши мозги и трезвость мышления. А с другой стороны, забывать о деревне, которую мы, можно сказать, принесли в жертву обеспечению продовольственной безопасности в последние годы. Мы видим, что тренды сельского хозяйства и сельского развития в нашей действительности все более расходятся. Это первое, что я хотел сказать.

И второе – что тут, конечно, хорошо оперировать передовым зарубежным опытом, но я бы посмотрел на зарубежных крестьян и на сельские зарубежные сообщества, если бы на их

судьбу выпали такие же испытания за последние 100 лет, как на долю нашего российского крестьянства, и потом бы порассуждал о показателях сравнительной эффективности. Об этом не надо забывать, уважаемые коллеги.

В столь квалифицированной аудитории я уже не скажу ничего нового по теме, но все-таки попытаюсь. Моя тема – это «Деревня как она есть, и какой она будет». Немножко с претензией название, потому что больше всего наша деревня сейчас похожа на тот черный экран, который мы недавно наблюдали, какие там внутренние процессы – даже аграрно-экономическая наука не все знает об этой социально-территориальной подсистеме.

И второе, что можно сказать – конечно, деревню нельзя отрывать от города. Конечный показатель эффективности аграрной сельской политики – это плотность московских пробок. Это самый верный критерий. Пока у нас увеличивается плотность московских пробок и плотность автомобильных пробок, нам не нужна никакая статистика, все и так понятно.

И все-таки, меня удивило новые явления сельского кризиса в нашей стране. В последние 10 лет они явно проявились. Во-первых, это стягивание населения в города и в пригородные районы, и концентрация бедности в сельской глубинке. Некоторые говорят, что это объективный процесс глобализации и урбанизации, и даже предлагают ускорить процесс переселения в города, и тогда мы на 50% повысим ВВП в стране.

Второе, тоже нечасто замечаемое – утрата сельскохозяйственными организациями роли центров сельского развития. Все-таки советская модель была ориентирована на то, что центральная усадьба – это центр крупного предприятия, и патерналистские сельскохозяйственные организации, бывшие колхозы и совхозы, брали на себя заботу об окружающей социальной действительности.

[01:05:11]

Третье – это ухудшение условий для развития экономического развития и предпринимательства, включая ограничение доступа к земле. В прошлом году два моих земляка решили организовать крестьянское хозяйство и получить грант начинающего фермера. Но не смогли это сделать по одной простой причине: вся земля вокруг моей родной деревни занята одной крупной агропромышленной компанией, и просто нет земли. Они бы хотели свою судьбу с родной деревней.

Игорь Абакумов: Александр Васильевич, напомните, что ваша родина в Брянске, а большая корпорация – это «Мираторг».

Александр Петриков: Это Брянская область, но такие явления... Я социолог, и не называю, в данном случае – все равно. И, наконец, более низкий, чем в городе, уровень рождаемости. Третий год уже деревня не является колыбелью нашего демографического роста, какой она являлась всегда. Несколько иллюстраций. Это денежный доход сельских домохозяйств в

различных по численности населенных пунктах. Чем меньше село, тем больше доля сельских жителей ниже черты бедности по денежным доходам. И эта разница сохраняется.

Или, например, утрата сельхозорганизациями центров сельского обслуживания. Посмотрите эти данные сельскохозяйственной переписи 2006-го и 2016 годов. Помощь личным подсобным хозяйствам по вспашке огородов: в 2006 году – 24% сельхозорганизаций этим занимались, а в 2016-м – уже 7 %.

Посмотрите, потребительские кооперативы – мы думали, что они придут на место колхозов и совхозов как новые центры сельского развития, а они не пришли. На что народ надеется? Родственники и соседи – было 3%, стало 65%. Посмотрите, по транспортным услугам то же самое: 25% транспортных услуг в 2006 году сельхозорганизациями, сейчас – 5%. Родственники и соседи, крестьянская взаимопомощь – традиционные формы воспроизводства сельской жизни.

Или вот, например, условия для малого и среднего предпринимательства в деревне, данные тоже двух переписей. Это численность личных подсобных хозяйств, имеющих площадь свыше 20 га. В 2006 году было таких 41 000, в 2016 году стало 86 000. Плюс 45 000. по крупному рогатому скоту свыше 10 голов на хозяйство: было 61 000, стало 117 000. Плюс 56 000. А численность сельских крестьянско-фермерских хозяйств за 10 лет упала в 1,6 раза. Нет условия для институализации предпринимательства в деревне. А потом обвиняем наших крестьян.

Эти тенденции сельского развития – второй мой тезис – будут усиливаться, пока существует современная модель сельского развития, где по-прежнему сохраняется наша надежда на сельхозпредприятия как на селообразующие центры. Где слабое развитие сельскохозяйственных отраслей, где ставка делается не на малый и средний, а на крупный бизнес в развитии сельского хозяйства, где монополизированы рыночные связи между городом и селом и отсутствует кооперация.

Где не развитость сельского управления, дефицит сельских муниципальных бюджетов, отсутствие специализированной сельской финансовой системы. На это я хотел особое внимание обратить, потому что вся финансовая система нашей страны работает по отношению к деревне как финансовый пылесос, вытягивает небольшие сбережения сельского населения себе в банковскую сеть, и заставляет эти деньги работать на что угодно, только не на село. И недостаточная координация развития сельских территорий и малых городов.

Вот семь уязвимых черт современной модели сельского развития. Ее, конечно, надо заменить на противоположную, и только тогда мы сможем преодолеть сельский кризис. Какие черты? Это, во-первых, полицентричность сельского развития. Центрами сельской жизни могут быть не только сельхозорганизации. Есть села, которые могут жить при монастырях или при каких-то музейных комплексах.

Второе – это стимулирование сельскохозяйственной занятости. Безусловно, это приоритетное развитие малого и среднего бизнеса в сельском хозяйстве. Это формирование сельской системы кооперации, и, прежде всего, системы кредитной кооперации. Это реформа местного самоуправления, и это интеграция сельских территорий и малых городов.

[01:10:13]

Наша задача – всех, и правительства, и науки, и гражданского общества – перейти от одной модели сельского развития к другой. Какие первоочередные меры, неотложные меры, которые можно осуществить в ближайшие год-два? Первое – это трансформация государственной программы развития сельского хозяйства в программу развития российской деревни, а не наоборот.

Наш институт был творцом первой госпрограммы в 2008-2012 году, но она уже отработала достаточно много времени, и сейчас надо переходить к другой модели. У нас сейчас сельское развитие погружено в сельское хозяйство. Должно быть прямо противоположное. Надо разработать госпрограмму сельского развития, и внутри должно быть сельское хозяйство.

Второе – это ограничение размеров государственной поддержки в расчете на одного сельхозпроизводителя. До тех пор, пока экономисты говорят об увеличении государственной поддержке сельского хозяйства, но не говорят о механизмах и не говорят об ограничениях этой поддержки в одни руки – я считаю, что это антикрестьянские заявления.

Третье – организация при Минсельхозе России агентства и фонда сельского развития, который есть во всех странах, где озабочены развитием сельских территорий, а не только сельского хозяйства. Четвертое – это предоставление малым и средним сельхозорганизациям и фермерам льготных инвестиционных кредитов для несельскохозяйственной деятельности. Такие кредиты были у нас до 2009 года, но потом их из программы убрали. И, конечно дополнительные меры по поддержке сельскохозяйственной кооперации. Только не надо к этой теме подходить очень упрощенно.

Наш институт сейчас обследует сельскохозяйственные потребительские кооперативы в десяти регионах страны. Один эксперт из регионального органа управления сказал: «Что вы хотите, о какой кооперации вы ведете речь, если в наши районные центры и в наши центральные усадьбы пришла «Пятерочка»?» Все. При такой политике, прежде всего торговой политике, и при такой монополизации, засилии максимализма рыночных связей, конечно, никакой кооперации нет. Кооперация не может развиваться в условиях аграрного олигархического капитализма, это нонсенс. Это было бы чудо, если бы она в этих условиях развивалась.

Коллеги, извините за резкость, я старался быть искренним, и очень большое впечатление на меня произвели научные дискуссии в двух столицах – в Санкт-Петербурге и в Москве. А вот между Санкт-Петербургом и Москвой лежит наша типичная среднерусская деревня, о которой должна болеть наша научная совесть. И не только у нас, но и у наших политиков, которые работают вместе с нами. Спасибо!

Женщина: Александр Васильевич, у меня два вопроса. В свое время вы работали в Министерстве сельского хозяйства. Была такая прекрасная программа «Агро ТВ». Вот куда она исчезла? Вы сейчас оттуда ушли, и, наверное, можете сказать честно, почему она ушла даже с кабельных каналов. Нельзя ли ее как-то возродить? Еще в 2013 году на этом «Агро ТВ» был показан фильм (нрзб). Это первый вопрос.

(Нрзб) связана с госпрограммой развития сельского хозяйства. Но здесь хоть как-то можно было выйти на аграрное образование. А когда вы введете программу развития российской деревни, там хоть что-то от образования останется? От сельхозвузов, например, от техникумов, которые передали Министерству образования?

Александр Петриков: Все вопросы по программному телевидению я адресую к Игорю Борисовичу.

Игорь Абакумов: В кулуарах, если можно. Это тема для отдельной конференции.

Александр Петриков: Единственная в своем роде программа «Аграрная политика» на ОТР, отражение, очень честная программа. Я думаю, что она еще скажет свое телевизионное слово. Но на телевидение аграрным экономистам надо идти, и вообще экономистам. На Петербургском экономическом форуме Виталий Третьяков – вы знаете, он ведет передачу «Что делать?» на «Культуре» – призвал всех экономистов идти на телевидение. Если мы туда не пойдем, мы не перевернем и экономическую, и продовольственную политику. Я имею в виду в широком плане социальные сети.

[01:15:43]

Второй вопрос – насчет сельскохозяйственного образования. Вы знаете, оно у нас не такое плохое, в базовой работе. У нас, к сожалению, до сих пор не выработана стратегия развития сельскохозяйственного образования. Я считаю, нам надо переходить от многообразия сельскохозяйственных вузов в 55 субъектах Российской Федерации к формированию национальных научно-исследовательских университетов в главных сельскохозяйственных регионах страны.

Игорь Абакумов: Но для этого надо обучить тех, кто учит.

Александр Петриков: Да, но наш долг, коллеги, вот аграрных экономистов, знаете, в чем? Хорошо критиковать сельскохозяйственное образование. А посмотрите, по каким учебникам учатся студенты экономических факультетов сельскохозяйственных вузов. Они

ничему не учатся. Мы калечим новое поколение аграрных экономистов, за некоторым исключением. Наша задача – написать современный учебник по аграрной и сельской экономике для наших вузов.

Николай Коломейцев: Вы как директор института, получили ли результаты последней сельхозпереписи, и что вы об этом думаете?

Игорь Абакумов: Только что об этом был разговор.

Александр Петриков: Мы получили. И я уверен, что результативность этой переписи будет еще осознана нашим сообществом. Знаете, какой самый неожиданный результат? Это большие расхождения между текущей сельскохозяйственной статистикой и теми данными, которые получились в ходе переписи. Особенно по личным подсобным хозяйствам, по посевам картофеля, по численности крупного рогатого скота. И сейчас Росстат, к осени этого года, пересчитает динамические ряды.

Второй вывод из переписи, я считаю, очень существенный – это перепись выявила, что регионы манипулируют данными по личным подсобным хозяйствам, с тем, чтобы выполнить свои соглашения с Минсельхозом России и отчитаться по достижению целевых индикаторов соглашений по государственной программе. За счет манипуляций с личными подсобными хозяйствами это происходит. Росстат предложил оценивать эффективность государственной программы по динамике сельхозорганизаций и фермерских хозяйств. А всю статистику по личным подсобным хозяйствам и политику по отношению к их развитию передать на региональный уровень. Я думаю, что в принципе, это нормальный подход.

И со следующего года вся статистика по личным подсобным хозяйствам будет строиться не на данных хозяйственных книг, а на данных выборочных обследований личных подсобных хозяйств, по в два раза расширенной выборке. Сейчас мы с Росстатом над этим работаем. Спасибо большое, коллеги!

Игорь Абакумов Спасибо, Александр Васильевич! Я предоставляю слово Владе Вячеславовне Масловой, профессору Российской академии наук, Всероссийский институт экономики сельского хозяйства. Влада Вячеславовна расскажет о том, на какие деньги все это строить.

Влада Маслова: Добрый день! В настоящее время сельское хозяйство в Российской Федерации действительно находится на подъеме. За последние пять лет, с момента реализации второй госпрограммы, прирост продукции сельского хозяйства составил более 20%. Причем интересно, что в фермерских хозяйствах, включая индивидуальных предпринимателей, прирост был 80%, то есть в четыре раза больше, чем в целом по отрасли.

[01:20:09]

Не буду подробно останавливаться на успехах. Давайте поговорим о проблемах, потому что мы считаем, что ситуация в отрасли остается неоднозначной и достаточно спорной. В значительной степени это обуславливается несовершенством действующего экономического механизма и с его приоритетной направленностью на поддержку крупных бизнес-структур. Если говорить обо всем организационно-экономическом механизме, тезисно остановлюсь на некоторых особо проблемных направлениях.

Первое – это цены, ценовые отношения. Вы видите, что продолжается существенная волатильность цен у производителей в сельском хозяйстве. Они то растут, как в 2015 году, то стремительно падают, как в 2017-м. Соответственно, меняются и ценовые отношения между первой и второй сферами АПК.

Повышению доходности сельхозтоваропроизводителей в этом случае могло бы способствовать ограничение роста цен на материальные ресурсы, приобретаемые сельхозтоваропроизводителями, хотя бы на тех рынках, где доминирует или существует существенное госрегулирование цен и тарифов. Достаточно вспомнить яркий пример этой колоссальной дифференциации цен на электроэнергию между ценами на тарифы, которые приобретаются сельхозтоваропроизводителями и промышленными предприятиями, разница трехкратная.

Для объективной оценки цен и ценовых отношений давайте посмотрим на динамику индекса цен не за один-два года, а за пять лет с начала реализации госпрограммы. Мы видим, что с 2013 года рост цен в сельском хозяйстве был минимальным, почти 34%, и дальше – по нарастающей, промышленность и производители пищевой промышленности, индекса потребительских цен и индекса потребительских цен на продовольственные товары. То есть максимальные ценовые диспропорции сейчас формируются при реализации продовольственной продукции в розничной торговле.

Еще один негативный момент. В структуре розничных цен на значительное количество продовольственных товаров доля сельхозпроизводителей составляет менее 40%. В то же время доля сферообращения постоянно растет. Одним из выходов из сложившейся ситуации, об этом уже говорили коллеги, может стать хозяйственно-потребительская кооперация, и формирование с ее помощью справедливых цен на продовольственном рынке. Таким образом, проблема совершенствования ценовых отношений была и остается очень злободневной.

Вторая проблема – это господдержка. В Российской Федерации доля расходов на сельское хозяйство и рыболовство составляет чуть более 1% в консолидированном бюджете. В странах Европейского союза, вы знаете, до 50% господдержки, а сейчас еще больше в связи с санкциями, направляется на поддержку аграрного сектора. Посмотрим на ближайших соседей – Беларусь, Казахстан. В Беларуси на господдержку направляется 7,6% от консолидированного бюджета, в Казахстане – 4,6%.

В 2017 году за счет федерального бюджета на реализацию госпрограммы было выделено почти 234 млрд рублей, и появились комментарии о существенном увеличении средств господдержки. Но если посмотреть на объемы финансирования госпрограммы с начала ее реализации в сопоставимых ценах, то получается, что за пять лет финансирование программы не увеличилось, а наоборот, сократилось на 30%. Такая же ситуация по объемам господдержки наблюдается по малым формам хозяйствования.

В 2017 году, в соответствии с новой редакцией госпрограммы, произошла консолидация мер государственной поддержки, межбюджетные трансферты стали предоставляться по семи основным направлениям. Вы видите, что одним из главных направлений господдержки стало содействие достижению целевых показателей в реализации региональных программ. Это, по существу, единая субсидия, куда вошли 26 ранее выплачиваемых субсидий.

С одной стороны, такая субсидия расширяет возможности регионов маневрировать средствами господдержки, потому что действительно в последние годы до 5 млрд рублей возвращалось в госбюджет, потому что регионы просто не успевали ими воспользоваться, или не могли по каким-то причинам. Конечно, тут есть большой плюс, но с другой стороны, мы считаем, что по приоритетным направлениям развития, хотя бы по тем, по которым еще не достигнуто импортозамещение, наверное, нужно оставлять этот рычаг в руках государства.

[01:25:35]

Еще мы считаем, что в целях совершенствования господдержки необходимо достижение соответствия между поставленными перед АПК грандиозными задачами целями и выделяемыми на это финансовыми ресурсами. Механизмы оказания господдержки должны быть прозрачными, предсказуемыми, они не должны меняться ежегодно. Это создаст необходимую основу для долгосрочного планирования бизнес-структур.

На поддержку кредитования инвестиционной деятельности ежегодно направляется порядка 50% всех субсидий. С многих трибун в Госдуме и Совфеде мы слышали, что в прошлом году был просто инвестиционный бум. Но факты показывают, что это несколько преувеличено. В последнее время были введены новые механизмы, стимулирующие инвестиционную деятельность в нашей отрасли. Это возмещение части понесенных затрат – этот механизм был очень востребован в отрасли.

Второе – с прошлого года действует льготный механизм кредитования. Однако финансовых ресурсов, выделяемых на поддержку данного механизма, явно недостаточно. В результате только каждый пятый кредит, привлекаемый в отрасль в прошлом году, был с господдержкой. Ольга Владимировна говорила, что для малых форм хозяйствования эта пропорция сформировалась на еще более низком уровне. Получается, что в целом стоимость кредитных ресурсов для аграриев остается очень высокой.

Что в результате? Несмотря на активную работу Минсельхоза России по стимулированию инвестиционной деятельности, за пять лет реализации госпрограммы прирост инвестиций в основной капитал отрасли составил 1,6%. Вряд ли это является достаточным для решения задач, стоящих перед отраслью. Надо делать выводы.

Существенным сдерживающим фактором расширения инвестиционной деятельности является снижение спроса населения, связанное с продолжающимся уже более четырех лет падением реальных доходов населения. С нашей точки зрения, данному направлению правительства, наконец, необходимо уделить самое пристальное внимание.

В заключение необходимо отметить, что анализ основных направлений мер госпрограммы выявил, что большинство существующих мер господдержки стимулирует рост производства и объемов экспорта. Но стабилизационных механизмов, направленных на повышение устойчивости функционирования отрасли, недостаточно. Особенно ярко это проявилось в 2017 году, когда, несмотря на очень высокие урожаи, рентабельность в отрасли значительно снизилась.

Говоря о нашем сельском хозяйстве, порой мы слышим разные точки зрения, диаметрально противоположные. Некоторые говорят, что все нормально или более-менее хорошо, другие говорят, что все очень плохо. Правы и те, и другие, в зависимости от объекта анализа. Александр Васильевич Петриков как-то сказал, что наше сельское хозяйство характеризуется как биполярное. Именно эта биполярность и такая дифференциация, к сожалению, не учитывается разработчиками госпрограммы и мер господдержки. То, что хорошо для крупного товарного бизнеса, мало подходит малым формам хозяйствования.

Например, ситуация с льготным кредитованием – очень яркий тому пример. Для малых форм хозяйствования в прошлом году была выделена квота, 20%. Вы все об этом знаете. Но эти лимиты не были выбраны. Почему? Такое положение во многом объясняется тем, что при оценке кредитного риска банки, как правило, оценивают ссуды, выдаваемые малому хозяйству, низкой категорией качества.

Иван Ушачёв: Таким образом?

Влада Маслова: Соответственно, они должны сразу же, за счет своей прибыли, формировать существенные резервы. Это просто заканчивается тем, что они отказываются от таких видов сделок.

Иван Ушачёв: Вместе с тем?

Влада Маслова: Поэтому с целью привлечения кредитных ресурсов малым бизнесом необходима другая институциональная структура. Необходимо создавать и развивать альтернативные институциональные структуры. Сельскохозяйственная потребительская

кредитная кооперация – раз, сберегательные кассы – два. Необходимо рассмотреть вопрос о переориентации средств федеральной...

[01:30:27]

Игорь Абакумов: Влада Вячеславовна, спасибо большое. У меня для вас небольшой сюрприз. Сейчас выступит Еремеев Валерий Иванович – доктор экономических наук, доцент, председатель сельскохозяйственной артели, колхоз «Маяк» Калужской области, Перемышльского района. Он вам расскажет, что он на самом деле про всю ситуацию думает.

Валерий Еремеев: Уважаемые коллеги, друзья сельского хозяйства! Сегодня, как бы в унисон, хочу начать свое выступление с того, что весенние полевые работы не за горами, надо сеять, пахать. Маленькая байка, чтобы переключиться на истинное положение дел. В колхозе проходит собрание, председатель колхоза спрашивает: «Как, колхозники, будем сеять? Конюх-то у нас запил. Кто будет управлять лошадьё?» Поднимается рука из зала: «Ну, раз запил, пусть лошадь пашет сама».

Исходя из этой байки, сельское хозяйство все последние 25 лет пашет само. Как оно складывается, как получается – мы прекрасно понимаем. Нужно сегодня признать, что в последнее время сельское население уменьшилось в два раза в Центральном федеральном округе, а по отдельным регионам еще больше. Я не беру Белгородскую область, там, по сути дела, на уровне. А Московская область – 18% только проживают на селе. Можно и дальше говорить об этом.

Мы прекрасно понимаем, что это приведет к утере всего и вся. Со стороны государства мы встречаем сегодня целенаправленную политику искусственного формирования агрохолдинга. Давайте поймем, что такое агрохолдинг. Это общественная некоммерческая организация управления собственностью. Такой структуры управления в гражданском кодексе нет. Исходя из этого, давайте будем определяться дальше в ступенях развития.

Формирование крупного производства, и сельское хозяйство – давайте будем понимать, и я понимаю, и вы понимаете – не откажется от той столбовой дороги, по которой развивается все сельское хозяйство мира, через крупные производства. Это правильно. Но и под крупное производство сегодня сформулировано все действующее законодательство. Как таковые, малые формы с этим законодательством перестанут существовать.

Я приведу пример председателя правления «ВТБ Банка», Андрея Костина, который сказал, что если сегодня малый и средний не востребован в стране, нет поля деятельности для него, то какой смысл его кредитовать? У нас же получается сегодня, малый и средний бизнес России не кредитуются, и через банки, и через систему государственной поддержки.

Можно много говорить. Мне бы хотелось в унисон сегодняшней дискуссии, которая развязалась на нашем экономическом форуме, внести конкретное предложение. Это

разработка стратегии развития под кодовым названием «3 Д». Первое «Д» – это децентрализация системы управления, каждый регион управляет на своем уровне. В это войдет децентрализация системы налогов сборов. Каждое муниципальное образование отвечает за сбор налогов, за свою налогооблагаемую базу, и за свое использование этих налогов на своей территории, а также исполнение государственных полномочий на своей территории, законодательно закрепленное. Ответственность за систему сборов должна быть возложена на чиновников.

Второе «Д» – это демонополизация. Не нужно придумывать велосипед. На каждом регионе каждое предприятие должно быть зарегистрировано юридически и платить налог по месту регистрации. Третье «Д» – это деурбанизация. Хотим мы или не хотим, но село должно развиваться. Это строительство агрогородков, это строительство жилья для сельского населения. Поймите правильно, если остается молодой человек на селе, он не может найти себе пару. Спасибо.

[01:35:52]

Игорь Абакумов: Спасибо Валерий Иванович! Иван Валентинович Стариков, профессор Института экономики РАН.

Иван Стариков: Добрый день, дорогие друзья! Аксиома первая: в рыночной экономике произвести сложно, а продать еще тяжелее. Аксиома вторая: ничто так не сплачивает, как совместно заработанные деньги. Аксиома третья: если первые две аксиомы мы признаем, то это является основанием для развития сельских территорий.

16 февраля я был свидетелем душераздирающей сцены, когда Галицкий продал «Магнит» ВТБ, Костину. 138 млрд, самая большая сделка, которую сделал ВТБ. Поэтому первое предложение. 17 000 магазинов. Ладно, 3 200 убираем из тех, которые есть, дрогери «Косметик», расположены в маленьких поселках, и так далее.

Внести поправки в закон о торговле и потребовать, чтобы торговые сети федерального и регионального продовольственного ритейла предоставляли свои площади для малых сельхозпроизводителей. Понятно, что это заставит образовывать кооперативы, для того чтобы формировать там партии, упаковывать, распределять, и так далее. Еще раз подчеркиваю: продать сложнее, чем произвести.

Наконец, последнее: как сорваться с якорей и поплыть в светлую даль. Вспоминаю Козьму Пруткову: не плыви туда, куда тебя заставляют, а плыви туда, куда тебе надо. Сегодня, мне кажется, малые сельскохозяйственные формы производства должны быть ориентированы на то, что такая форма продаж – мы не создадим, Александр Васильевич, собственную торговую сеть. Нужно встраиваться в уже существующую, а там жесточайшая конкуренция.

Проблемы «Магнита». В 2014 году 3,7 млн площадей было, в конце 2017-го – 5,7, операционные расходы выросли на 70%. Я аналитику только что сделал, отдал в ВТБ. А

средний чек падал, они 60% увеличили, причем, сознательно шли не в Москву, в Московскую область, в столицу, а шли в маленькие города, рабочие поселки. Посмотрите их магазинчики разных форматов сегодня. Поэтому падение доходов, про что говорил уважаемый профессор Маслова в данном случае, наложилось, и привело к краху крупнейшего ретейлера.

Поэтому выступаем от сегодняшнего собрания и вносим предложение вместе с Центросоюзом внести поправки в закон о торговле, и, соответственно, получить торговые площади. Огромная сеть Х5 «Пятерочка» и «Магнит». Спасибо.

Игорь Абакумов: Спасибо, Валерий Иванович! Заключительное слово – академик Ушачёв Иван Григорьевич.

Иван Ушачёв: Уважаемые коллеги! Прежде всего, большое спасибо за содержательные выступления. Я думаю, что вы нам доверите подготовку резолюции, для того чтобы мы могли направить ее в наши исполнительные и законодательные органы. Я предлагаю провести широкомасштабную конференцию по социальному развитию нашего села, нашей деревни, с приглашением представителей Думы, Совета Федерации, наших министерств, которые связаны с сельским хозяйством. Это во-первых.

Во-вторых – те, кто не выступил, извините нас, вы направите нам – адрес, я надеюсь, вы знаете – свои выступления, свои статьи. Мы постараемся опубликовать их в сборнике. Будем просить нашего коллегу и друга Бабкина Константина Анатольевича профинансировать этот сборник. Я думаю, он сделает это с большим удовольствием.

Игорь Абакумов: И регистрацию в (нрзб).

Иван Ушачёв: Да, и регистрацию в (нрзб), бесспорно, потому что ситуация у нас действительно тревожная.

Женщина: (Нрзб)

Иван Ушачёв: Интересная информация. К сожалению, программа, которая у нас модернизируется постоянно, в этом году, на 2018 год, в качестве основной цели не записано устойчивое развитие сельских территорий. Это впервые такое произошло.

Во-вторых, теперь это не федеральная целевая программа, а теперь это подпрограмма, и ведомственная целевая программа. То есть ее статус понижен. Но учитывая, что модернизированная госпрограмма теперь будет работать по принципу программного управления, приоритетом, например, направление «Экспорт» приравнивается к приоритетному проекту, а социальное развитие – не к приоритетному, это просто поразительно и удивительно.

Более того, из господдержки на 2018 год выделяется опять только 16 млрд рублей, в то время как субъекты Федерации запросили минимальную сумму, подчеркиваю,

минимальную, 48 млрд. То есть в три раза. В целом господдержка на 2020 год у нас будет составлять 242 млрд рублей, без увеличения, и прирост сельскохозяйственной продукции, темпы прироста, будут составлять 1,7%. О каком социальном развитии наших сельских территорий может быть речь?

Поэтому мы должны предложить в нашей записке, что эту государственную программу нужно называть не только как «Развитие сельского хозяйства», а «Развитие сельских территорий». Я считаю, это важнейший фактор.

Игорь Абакумов: Спасибо вам большое!

[01:43:05] Организационные разговоры

[01:43:30][Конец записи]